

Просвещение женщин в колониальной и советской Средней Азии

Д.В. Мелентьев^{1а}

¹Независимый исследователь, г. Ташкент, Узбекистан

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1537-9810>, e-mail: back-in-95@mail.ru

Резюме: В настоящей статье речь пойдет о женских мусульманских, имперских и советских школах в Средней Азии. Хронологические рамки исследования охватывают историю региона с 1865 по 1930 год. Нижняя темпоральная граница определена началом установления русского колониального порядка в регионе, верхняя – годом ликвидации отделов по работе среди женщин (женотделов). Используя сравнительный анализ, автор производит попытку реконструировать историю развития просвещения женщин в Средней Азии. Проблематика исследования заключается в выяснении, произошел ли разрыв между администрацией Туркестанского генерал-губернаторства и правительством ТАС-СР и Узбекской ССР в подходах к просвещению мусульманок и европейек-переселенков. Актуальность исследования лежит в плоскости изучения новой имперской истории, а также ревизии устоявшегося взгляда на раскрепощение женщин в советской Средней Азии как успешного проекта большевиков, который изменил культурные ценности коренных жителей. Помимо введения в научный оборот малоизвестных источников советского периода, новизна статьи заключается в описании результатов изучения институциональной истории Средней Азии сквозь призму гендерного подхода. В ходе исследования автором статьи установлено, что относительные успехи были достигнуты среди европейского населения, особенно в советский период, поскольку тогда была сформулирована осмысленная гендерная политика. С другой стороны, несмотря на разность концепций управления, мусульманских женских школ стало больше при советской власти, особенно после Худжума.

Ключевые слова: гендерная история; институциональная история; история образования; раскрепощение женщин; Средняя Азия; Узбекистан

Для цитирования: Мелентьев Д.В. Просвещение женщин в колониальной и советской Средней Азии. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(1):13–37. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-1-13-37

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Enlightenment of Women in Colonial and Soviet Central Asia

D.V. Melentev^{1a}

¹Independent researcher, Tashkent, Uzbekistan

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1537-9810>, e-mail: back-in-95@mail.ru

Abstract: This article will focus on Muslim women, Imperial and Soviet schools in Central Asia. The chronological framework of the study covers the regional history from 1865 to 1930. The lower temporal boundary is due to the beginning of the Russian colonial order establishment in the region, the upper one to the year of the women's departments liquidation. Using comparative analysis, the author reconstructs the history of the women's education development in Central Asia. The problem of the research is to find out whether there has been a gap in the approaches of the administration of the Turkestan General-Governor and TASSR and the Uzbek SSR authorities in educating Muslims women and European migrants. The relevance of the paper lies in the study of the new imperial history, along with the revision of the stereotype view on the women emancipation in Soviet Central Asia, alike a successful project of the Bolsheviks, which changed the indigenous people cultural values. In addition to introducing little-known sources of the Soviet period into scientific circulation, the novelty of the article lies in the study of the institutional history of Central Asia through the prism of a gender. In the course of the study, it was found that the relative successes were achieved among the European population, especially during the Soviet period, because was formulated a meaningful gender policy. Despite the difference in management concepts, there were more Muslim women schools under the Soviet regime, especially after Hujum.

Keywords: gender history; institutional history; history of education; emancipation; Central Asia; Uzbekistan

For citation: Melentev D.V. Enlightenment of Women in Colonial and Soviet Central Asia. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(1):13-37. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-1-13-37

Введение

В XIX веке идея признания за женщинами равных с мужчинами гражданских прав начала набирать популярность у представителей либерально мыслящих кругов Западной Европы, США и Российской империи. Великие реформы Александра II, особенно отмена крепостного права (1861), послужили толчком к обсуждению просвещенной публикой угнетенного положения русских женщин [1, с. 286]. Западно-европейских феминисток и отечественных равноправок, так в Российской империи называли сторонниц *раскрепощения*, объединяла борьба за доступ к институтам просвещения [2, с. 97–108]. Равноправки добились ощутимых результатов.

В 1878 году в Санкт-Петербурге были созданы Высшие женские Бестужевские курсы. К началу XX века в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Казани и других крупных городах работали десятки женских медицинских и педагогических курсов, школ и иных учебных заведений [3, с. 69–84]. В 1915 году в европейской части Российской империи 69% преподавателей в государственных сельских школах были женщины [4, с. 277].

На период правления Александра II приходится завоевание Средней Азии. До водворения российской власти в регионе не существовало движения за права женщин. Однако в конце XIX – начале XX века в местной прессе стали появляться публикации, которые свидетельствовали о тяжелом положении туркестанских мусульманок. После Октябрьской революции большевики провозгласили гендерное равенство одним из важнейших пунктов своей программы модернизации. При этом советская власть понимала просвещение широко, не просто как сеть школ и училищ, деятельность которых заключалась бы в приумножении знаний, а совокупность принципов и институтов, которые должны перевоспитывать народ, индоктринировать его, тем самым меняя быт, а также мировоззрение с эсхатологического на материалистическое. Практическая применимость полученных знаний и умений, рациональность и критическое мышление были поставлены во главу угла [5, с. 353–365]. Кроме того, просвещение наравне с трудом и политическим активизмом являлось методом раскрепощения женщин. Помимо Народного комиссариата просвещения (НКП), с 1920 года «поднятием культурного уровня» гражданок социалистического государства начали заниматься отделы по работе среди женщин (женотделы). Руководил всей сетью женотделов в РСФСР/СССР московский центральный отдел (московский ЦО). В 1920 году в Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республике (ТАССР) был организован ташкентский ЦО, который контролировал раскрепощение женщин в регионе.

Просвещение и раскрепощение женщин в Средней Азии – хорошо изученная тема. В историографии советского периода следует отметить очерк К.Е. Бендрикова [6, с. 5] и работы специалистов по раскрепощению мусульманок [7; 8; 9]. Неотъемлемой чертой этих работ является игнорирование раскрепощения *европеек* (русских, евреек, татарок, армянок и др.), а также проблем, которые встречались на пути просвещения масс. Современная историография обширна, но сконцентрирована на дореволюционных новометодных *мактабах*, которые создавались интеллектуалами-реформаторами – «*джадидами*» [10; 11; 12; 13]. Джадиды заявляли о необходимости модернизации конфессиональной школы, в том числе широкого допуска туда женщин. По мнению отдельных представителей движения, только владеющая грамотой мать была способна воспитать новое поколение благочести-

вых мусульман [14, с. 23–59; 15, с. 296–297]. Существуют исследования, в которых доказывалось, что джадидам удалось достичь относительных успехов в просвещении и раскрепощении мусульманок в 1910-е – 1920-е гг. [16; 17]. В данном исследовании мы отойдем от джадидоцентричного нарратива, поскольку большинство коренных жителей не разделяло устремлений реформаторов, отдавая предпочтение старометодной системе просвещения, в крайнем случае той, которую предлагали Российская империя и СССР [18, с. 74].

Основными источниками выступают дореволюционные англо- и русскоязычные тревелогии и очерки чиновников колониальной администрации Туркестана. Для советского времени это отчеты, доклады и протоколы заседаний среднеазиатских женотделов, а также публицистика и малоизвестная русскоязычная региональная периодика. Целью статьи является установление факторов, влиявших на формирование системы женского просвещения в колониальной и советской Средней Азии. В ходе исследования мы стремились выяснить: наблюдалась ли преемственность между имперской и советской властью в отношении к женскому просвещению? Подвергалась ли дискриминации мусульманская школа? Как коренное население и европейцы реагировали на государственные инициативы по просвещению женщин?

Политика невмешательства

В дореволюционных источниках информация о женском просвещении скудная. Внимание европейских наблюдателей привлекали быт, нравы и наряды. Женские институты просвещения, как созданные российским государством, так и автономные, – городской феномен. Во многом состояние просвещения в Туркестанском крае зависело от концепции управления. В 1867 году на вооружение была принята политика невмешательства в жизнь коренного населения (или игнорирования ислама), разработанная К.П. Кауфманом. Суть политики заключалась в том, что колониальная администрация не вносила существенных изменений в фискальную и судебную систему, не ограничивала исполнение локальных традиций, не пыталась изменить быт и культуру коренных жителей [19, с. 111–112]. Систему мусульманского просвещения городских жителей (сартов) К.П. Кауфман решил тоже не трогать, поскольку считал, что она не отвечает духу времени, поэтому вскоре сама собой отомрет [20, с. 140–160]. Напротив, среди кочевников К.П. Кауфман предпринимал меры по русификации через школы. Под влиянием идей ориенталистов В.В. Григорьева и Н.И. Ильминского К.П. Кауфман ошибочно полагал, что кочевники менее исламизированы, поэтому «привести их к русской гражданственности» будет проще [20, с. 140–160].

Наиболее ранние статистические данные о конфессиональной школе в регионе обнаруживаются в путевых заметках ориенталиста П.И. Пашино. По его сведениям, в Ташкенте, население которого составляло приблизительно 50 000 человек, насчитывалось около 300 старометодных мактабов [21, с. 159]. Также путешественник сообщает, что мусульманки обучались отдельно от мальчиков на дому у жены муллы (*биби-хальфе*) [21, с. 159]. Срок обучения девочек был короче, но они получали полезных знаний больше, чем мальчики, например, лучше осваивали арабский и персидский языки [21, с. 160]. Девочки получали более качественное образование, потому что им не нужно было отвлекаться на работу в поле, а также они продолжали учиться летом, чего мальчики не делали. О том же упоминают чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе В.В. Крестовский [22, с. 354], американский путешественник Генри Ланселл [23, р. 123] и этнограф А.И. Добросмыслов, дополняя картину тем фактом, что девочек посылали в школу только состоятельные мусульмане, а обычные семьи, как правило многодетные, не могли оплатить обучение нескольких детей, поэтому отдавали предпочтение мальчикам как «добытчикам семьи» [24, с. 221]. Несмотря на то, что старометодные мактабы существовали за счет *вакуфов* (мусульманских благотворительных фондов), обучение детей было платным. *Мударрисы* (учителя) могли получать оплату деньгами, но чаще она производилась натуральным продуктом (хлеб, рис и др.).

Европейцы, которые имели возможность наблюдать за обучением мальчиков в старометодных мактабах, недоумевали, как можно получить качественное образования в не предназначенных для этого условиях. Например, посетивший Бухарский эмират правовед М.Н. Никольский писал: «Можно встретить мактабы, помещающиеся среди кузниц. Смешно и грустно смотреть на школьников, старающихся заглушить выкрикиванием бессмысленных для них слов грохот кузнечных молотов. Более рациональна, по моему мнению, постановка дела в женских школах. Главными предметами там являются обучение грамоте по-таджикски и узбекски» [25, с. 41]. Также отмечалось, что мактабы для мальчиков – это неухоженные мазанки, в которых дети сидят на полу. Британской путешественнице Аннетт Микин разрешили попристутствовать на занятии в одной из школ *биби-хальфе* в Самарканде и даже через переводчика (скорее всего, им был В.П. Наливкин) поговорить с учительницей. А. Микин выяснила, что учительнице 50 лет, ее муж *казий* (шариатский судья), поэтому она умеет читать и писать, как в свое время ее мать и бабушка [26, р. 84–94].

Помимо оседлых жителей, Туркестанский край населяли кочевники: казахи, киргизы, туркмены и другие. Мобильность не влияла на желание кочевников дать детям начальное образование в старометодном мактабе. Путешественник Е. Смир-

нов сообщал, что у киргизов (казахов) существовали передвижные школы, которые действовали преимущественно в зимний период. Если кочевники решали сменить дислокацию, учителя, обычно *шакирды* (студенты медресе), перемещались вместе с ними [27, с. 256]. Воспитанник Туркестанской учебной семинарии Иш-Мухаммед Букин писал, что киргизы (казахи) обучение детей в старометодных мактабах оплачивали вскладчину [28, с. 7–8]. Но важно другое: киргизские (казахские) мальчики и девочки проходили обучение совместно, причем к последним могли быть применены телесные наказания, которые являлись стандартной практикой [28, с. 11]. Е. Смирнов приводит некоторую статистику, согласно которой в Сырдарьинской области по состоянию на 1885 год насчитывалось 1 452 мактаба, в которых обучалось 21 080 человек, из них 18 180 мальчиков и 2 900 девочек (этнический состав неизвестен) [27, с. 261]. Е. Смирнов признается, что цифры приблизительные, а по общим впечатлениям можно сказать, что наибольшее количество женских школ существовало в Ташкенте [27, с. 261].

Администрация Туркестанского генерал-губернаторства прилагала усилия к созданию возможностей для просвещения коренных жителей, а также переселенцев из российских губерний. Известно, что первая платная (300 рублей в год) школа для девочек в Ташкенте была открыта в 1866 году губернатором Туркестанской области генерал-майором Д.И. Романовским и предназначалась для дочерей его подчиненных [29, с. 245]. В школе обучались 11 девочек, которые занимались чтением и рукоделием, что обычно совмещалось, поэтому качество полученных умений было сомнительным [29, с. 246–247]. Из статистических материалов Сырдарьинской области известно, что в Коканде, Намангане, Андижане и Оше были созданы двухлетние приходские школы для мусульманок, но в 1872 году они закрылись, поскольку не пользовались популярностью. В то же время появилось два женских Мариинских училища для европейек [30, с. 15].

В 1876 году была организована Главная инспекция училищ при Туркестанском генерал-губернаторстве, что способствовало инвестициям в строительство имперской сети институтов просвещения в регионе. В том же году в Ташкенте была открыта женская прогимназия, которая предназначалась для европейского населения, а также несколько школ с женскими отделениями в Чимкенте, Казалинске, Перовске, Самарканде, Катта-Кургане и Петро-Александровске [30, с. 11–12]. Однако в 1886 году училища для девочек закрыли из-за нехватки педагогического персонала и отсутствия интереса у населения к длительному обучению [30, с. 17]. Несмотря на это, как отмечал американский путешественник Уильям Кёртис, говоря про город Мерв, «в этой части России образованию женщин уделяется гораздо больше

внимания, чем в Европе, тем более что существует большой спрос на учителей в народных школах» [31, р. 62].

У населения Туркестанского края существовали гендерные стереотипы в отношении женского просвещения. Мужчины, в том числе европейцы, не понимали, для чего девушкам нужны знания, ведь работать они все равно не будут, поскольку это запрещено неписаными правилами общества, они рано выйдут замуж и родят детей, что является их «естественной»/«природной» функцией. Конечно, имела место и материальная преграда – плата за обучение. Например, в Самарканде и Маргилане ежегодная оплата в государственных женских школах составляла 15 рублей [30, с. 36]. По состоянию на 1 января 1896 года в Сырдарьинской области обучалось 2 305 детей-европейцев, из которых 58,4% мальчики и 41,6% девочки [30, с. 42].

В имперской системе просвещения в Туркестанском крае в конце 1884 года появились русско-туземные школы [32, с. 177]. Они, по мнению ориенталиста Н.П. Остроумова, предназначались для ускоренной русификации коренного населения и пополнения низших эшелонов власти [32, с. 177]. Скорее всего, целеполагание подобных школ среди сартов не предусматривало включения в них девочек, по крайней мере информации об этом нет. Вполне вероятно, что появление в русско-туземных школах девочек могло быть расценено сартами как вызов традиционалистскому обществу и вмешательство колониальной администрации в гендерный порядок. Однако в Степном крае никакой политики невмешательства в дела коренного населения не практиковалось. В 1899 году в Тургайской области в городах Актюбинск, Карабутак, Иргиз, Тургай и Кустанай были открыты русско-киргизские женские училища [33, с. 26–35]. По словам этнографа И.В. Аничкова, киргизка (казашка), которая получала начальное образование в подобных школах, имела возможность поступить в прогимназию и гимназию [33, с. 26–35]. Вместе с тем, как И.В. Аничков отмечает, российское правительство «забыло» о киргизках (казашках), никаких законов, защищавших их гражданские права, не было принято, что позволяло им «опускаться в пучину мусульманства» [33, с. 26–35].

Впрочем, русско-туземные школы все равно были проигнорированы мусульманами. Колониальный администратор и этнограф В.П. Наливкин объясняет непопулярность русско-туземных школ, которые были открыты в 1885 году в Пскенте и Чиназе (Ташкентская область), так: «Сельское население, видящее в подростках прежде всего рабочую силу, не признающее необходимости для своих детей поголовного знания ими не только русской, но даже своей грамоты, наотрез отказывалось отдавать своих детей в новые русские школы. Не хотели их отдавать сюда и чины туземной администрации и “почетные, влиятельные” туземцы. Часть детей была насильственно взята у разной мелкоты, другую наняли у беднейшего насе-

ления. В Пскенте открытие школы состоялось в присутствии губернатора. На плоских крышах домов, соседних с помещением школы, сидели несколько сот туземных женщин, закрытых покрывалами» [34, с. 106–107]. Когда губернатор, генерал Н.И. Гродеков, хотел произнести торжественную речь по случаю открытия школы, «матери, сестры, бабушки и знакомые будущих знатоков русского языка начали голосить и причитать о них как о покойниках» [34, с. 107]. Этнограф Н.С. Лыкошин считал, что коренные жители не хотели отдавать своих детей в русско-туземные школы, боясь, что, не получив знаний по *шариату*, они «выпадут» из родного социума. Чтобы решить эту проблему, колониальные власти учредили в русско-туземные школы *мактабдаров* – учителей-мусульман, чтобы после светских занятий, которые велись на русском языке, они проходили с мальчиками основы исламского вероучения [35, с. 230–231].

В 1891 году генерал-губернатор А.Б. Вревский предлагал ликвидировать русско-туземные школы, поскольку они не оправдали себя: «Число учащихся в таких школах незначительно, даже в городах и кишлаках с населением в несколько тысяч человек. Ученики посещают русскую школу крайне неаккуратно, и многие, не утвердившись в знаниях, перестают учиться, когда хотят. Результаты от такого учения, за немногими исключениями, ничтожны» [20, с. 140–160]. Несмотря на это, никаких мер по улучшению положения русско-туземных школ принято не было. В 1898 году после подавления восстания Дукчи-ишана на совете губернаторов туркестанских областей чиновники пришли к выводу, что слияние русских и туземцев невозможно. Там же было принято решение, что политика невмешательства в дела мусульман должна сохраняться как аксиома русского присутствия в регионе [20, с. 140–160].

Помимо прочего, специальная комиссия по инородческому образованию, которая была создана после революции 1905 года, признала достоинства политики невмешательства колониальной администрации в дела мусульман, а также отметила успехи «туземцев» в обучении русскому языку в Туркестане [36, с. 3–4]. Политика невмешательства привела к увеличению количества конфессиональных учебных заведений [37, с. 104–155]. Так, в 1907 году в Ташкенте насчитывалось 23 медресе с 815 учащимися [38, с. 1–58], а в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях 277 медресе с 7 935 учащимися [39, с. 215–278]. Доподлинно количество старометодных мактабов и проходивших в них обучение мальчиков и девочек неизвестно, поскольку надзор за ними не осуществлялся. Т.В. Котюкова приводит данные, что в 1909 году в регионе функционировало 6 000 старометодных мактабов [40, с. 193].

Политику невмешательства в дела коренного населения стали открыто критиковать после 1905 года. Военный востоковед Д.И. Логофет был удивлен отсутствием контроля за мусульманским образованием в Бухарском эмирате [41, с. 92]. Негодование Д.И. Логофета было направлено в адрес колониальной администрации, которая не пыталась проводить модернизационные реформы в эмирате [42, с. 237]. Однако и в Бухаре, несмотря на ее «отсталость», существовали школы для мусульманок (количество неизвестно), о чем упоминает Д.И. Логофет [43, с. 3]. В 1910 году Н.П. Остроумов, ближайший сподвижник К.П. Кауфмана, призывал колониальную администрацию признать ошибочность мнения «устроителя края» и отказаться от политики невмешательства, взяв под контроль мактабы и медресе [20, с. 140–160].

Колониальные администраторы пытались понять суть и причины «живучести» мусульманской системы просвещения. Н.П. Остроумов пришел к выводу, что старометодные мактабы и медресе были заточены на воспитание благочестивых мусульман. Изучавшиеся мужчинами и женщинами дисциплины не способствовали распространению релевантных знаний. Интенция мусульманского просвещения была воспитательной, с акцентом на воспроизводство локальных культурных норм и морально-нравственных ценностей [44, с. 113–166]. Н.С. Лыкошин полагал, что главной задачей мусульманского просвещения являлось закрепление у молодежи чувства национального единства и принадлежности к глобальной умме через погружение в изучение принципов шариата и арабского языка [35, с. 223–224]. Женщины были почти целиком исключены из мира просвещения, а колониальные администраторы и путешественники не пытались осмыслить их дискриминацию. Нужно учитывать, что в конце XIX – начале XX века в странах Западной Европы, США и Российской империи, откуда прибывали путешественники, получение женщинами образования еще не стало обыденностью.

Политика активного вмешательства

Февральская революция 1917 года стала возможна в том числе и благодаря сознательной гражданской позиции женщин, которые устали от войны и перебоев с поставкой продовольствия в Петроград [45, с. 545–546]. Между февралем и октябрём 1917 года женская социально-политическая активность непременно нарастала, причем не только в столице Российской империи, но и в Туркестане. Здесь, в крупных городах, европейки, консолидировавшись, организовывали женские общества, которые боролись за права рабочих, например, установление восьмичасового рабочего дня [46, с. 75–83]. Большевики, придя к власти в Туркестанском крае, получили в наследство скромную сеть государственных просветительских уч-

реждений, но широкую мусульманскую: «10 мужских гимназий, 14 женских, 3 реальных училища, 2 учительские семинарии, 1 Мариинское училище, 3 ремесленных училища, 3 высших начальных училища, 518 начальных мужских и 192 русско-туземных начальных училищ. Помимо этого, имелось 1 028 медресе и 8 500 мактабов. Детей школьного возраста насчитывалось около 625 000, из которых правительственными учебными заведениями было охвачено всего 7% (4 624 человека)»¹.

В 1918–1920 гг. начался стихийный рост числа открываемых учебных заведений, которые создавались без учета материальных возможностей. Деятельность школ никак не контролировалась. В скором времени почти все учебные заведения были закрыты из-за нехватки денег и кадров [47, с. 112–116]. Британская путешественница Элла Кристи в своем травелоге отразила обстановку в советских школах в 1920 году. Она описывала школу как место анархии, где ученики не соблюдали дисциплину и субординацию в отношении с преподавателем, курили махорку в аудиториях, вели себя безнравственно [48, р. 266]. В 1921 году отчеты чиновников НКП показывали, что в ТАССР насчитывалось 2 022 школы I ступени (с первого по четвертый класс). Как выяснилось позже, цифры расходились с реальностью – по факту существовало всего 605 школ I ступени. В 1922 году их стало в два раза меньше – 311 школ I и 45 школ II ступени (с пятого по девятый класс)². Докладная записка 1922 года о состоянии просвещения тюркских народов РСФСР фиксировала плачевную ситуацию: «Масса по преимуществу земледельческая, в культурном отношении малоразвитая. И единственное орудие, единственный способ борьбы с малокультурностью тюркских народов – это книга, образование»³.

Женотделы ТАССР до 1923 года были закрыты из-за Гражданской войны. Одним из требований *басмачей* (бандформирований) было прекращение раскрепощения женщин [49, с. 28–30]. Большевики чувствовали шаткость своего положения в регионе, поэтому шли на уступки, но при этом не было речи о том, что советская власть отказалась от вмешательства в дела коренного населения. Большевики говорили о временном «отступлении». С ним связано и то, что в 1922 году частично были возвращены *улемам* (ученым-правоведам) национализированные в 1918 году вакуфы, при этом часть этого имущества пустили на финансирование просвещения в ТАССР⁴. Кроме того, запрещенное в 1918 году преподавание вероучения в советских школах в 1922 было вновь легализовано как бесплатные дополнительные занятия после уроков [50, с. 57–77]. В 1923 году большевикам удалось уничтожить

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 60–80.

² Там же. Л. 60–80.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 419. Л. 9.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 526. Л. 164.

наиболее опасных *курбашей* и осторожной социокультурной политикой выбить идеологическую основу из-под ног басмачей, которые более не могли оправдывать свои бесчинства против населения якобы издержками борьбы с неверными⁵.

Смелым шагом к культурным переменам стало введение в 1923 году в ТАССР совместного обучения мальчиков и девочек в школах I, II и III ступеней (10–11 класс). Однако это было только на бумаге. Руководительница ташкентского ЦО С.Т. Любимова предлагала постепенно объединять в классы мальчиков и девочек⁶. Коренные жители немедленно отреагировали на нововведение, запретив дочерям и сестрам посещать государственные школы. Некоторые чиновники-мусульмане, например, член коллегии Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрав) ТАССР Х.Д. Достмухамедов, не поддерживали нововведение, считая, что «во время полового созревания мальчикам и девочкам лучше учиться по отдельности»⁷.

В первой половине 1924 года в ТАССР насчитывалось 1 576 советских школ с 132 000 учащихся (разбивка по национальности неизвестна)⁸. Благодаря поддержке женотделов, во второй половине 1924 года в Узбекской ССР функционировала 51 женская школа ликвидации неграмотности, в которых обучалось 1 200 узбечек⁹. Женских школ I ступени работало 39, в них обучалось более 3 200 узбечек. В школах профессионального образования, медицинском техникуме, узбекском институте просвещения (*инпросе*), старгородском педагогическом техникуме и школе подготовки учителей обучалось еще 286 узбечек¹⁰. Согласно сводке Центрального статистического управления (ЦСУ) за 1925 год, население Узбекской ССР составляло 4 196 000 человек, из которых 2 000 000 были женщины¹¹. По сравнению с до-революционным периодом цифры демонстрируют прирост женского контингента в сфере просвещения. Но советская власть стремилась к поголовной грамотности мусульманок, поэтому эти показатели считались мизерными и воспринимались как поражение гендерной политики в Средней Азии.

По подсчетам НКП, количество грамотных мусульманок в Узбекской ССР находилось в диапазоне от 0,2% до 0,7%. Сотрудница ташкентского ЦО Ю. Кислова сомневалась в реальности этой статистики, считая, что количество грамотных мусульманок приблизительно 0,07%¹². Другая сотрудница ташкентского ЦО, Е. Рачинская, признавала, что серьезных успехов на поприще раскрепощения через

⁵ РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 8. Л. 39–40.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 222.

⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 428. Л. 75.

⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 60–80.

⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 84–95.

¹⁰ Там же. Л. 84–95.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 428. Л. 33–35.

¹² Там же. Л. 33–35.

просвещение среди мусульманок нет [51, с. 66–74]. Главной причиной неудач являлось общественное осуждение мусульманок, которые получали советское образование. «Обследование» школ, проведенное в 1925 году ташкентским ЦО совместно с НКП, выявило, что в Ханкинской волости Хорезмской области Узбекской ССР «девочки в школу социалистического воспитания не ходят, их не пускают родители. Население находится под влиянием мулл, которые агитируют, что в советской школе детей только портят, подготавливая из них изменников своей религии, быта и нации»¹³. Доверять раннесоветской статистике сложно, поскольку в ней много приписок. Фальсификацию выявили в 1928 году. Характерен пример с завышением количества открытых школ ликвидации неграмотности в Узбекской ССР в 1926/27 учебном году.

Таблица №1 / Table №1

Пример завышения показателей, по созданным школам ликвидации неграмотности в Узбекской ССР¹⁴

An Example of Indicators Overestimation for the Establishment of Illiteracy Elimination Schools in the Uzbek SSR

Отчетность	
В сельской местности	
По отчетам НКП	Данные обследования
309 групп и 8 675 учащихся	90 групп и 1 523 учащихся
По городам	
По отчетам НКП	Данные обследования
27 групп и 625 учащихся	12 групп и 203 учащихся
Вместе	
336 групп и 9 367 учащихся	102 группы и 1 726 учащихся

Махинации со статистикой – это результат коррупции. Сотрудники НКП завышали в два раза бюджетные расходы на несуществующие в реальности школы и учеников¹⁵. У советских женских школ в 1920-е гг. была масса проблем, что сказывалось на качестве обучения. Женские школы не могли наладить непрерывный учебный процесс, поскольку большевики толерантно относились к долгим мусульманским религиозным праздникам, в дни которых советские школы не работали. Как сообщали в ташкентский ЦО сотрудницы туркменских женотделов, когда шла *ураза* (пост в месяц *рамадан*) или отмечался праздник Саксой-ваксой (Ашура), туркменки и персиянки не учились¹⁶. В Бухаре советские школы работали два-три дня

¹³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 60–80.

¹⁴ Там же. Л. 60–80.

¹⁵ Там же. Л. 60–80.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 222. Л. 1–4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 443. Л. 15–22.

в неделю, потому что во время базарных дней, а также по пятницам ученики в них не приходили [52, с. 2]. Вопросы вызывала грамотность учителей, которые сами плохо умели читать и писать, не знали арифметику¹⁷.

Недостаток квалифицированных кадров создавал курьезы. Иногда приходилось отправлять на работу в школы выпускников инпросов, которым исполнилось 16 лет. Понятное дело, что почти всегда такой «педагог» не мог приобрести авторитет среди учеников и вести нормальный учебный процесс [53, с. 5]. Школы получали программу на учебный год в феврале, поэтому преподавателям приходилось учить детей наспех [52, с. 2]. Ташкентский ЦО критиковал школьную программу за то, что в ней не отражена история борьбы «женщины Востока» за свои права¹⁸. Женотделы сетовали, что в школах для девочек учительницы не подавали пример «прогрессивного» поведения женщины. Например, при посещении комиссией по «обследованию» системы народного просвещения аула Чапык Мервского уезда учительница, увидев мужчин из НКП, вошедших в класс, закрыла рот платком, что соответствовало туркменским национальным обычаям¹⁹. Женотделы боролись против такого поведения женщин, считая, что оно символизирует покорность и безмолвность туркменок перед авторитетом мужчины.

Женским школам не хватало учебников, мебели, канцелярских товаров и бумаги. Сотрудница кокандского женотдела Т.Т. Шадиева сетовала: «Наши девочки учатся в кошмарных условиях: сырость, грязь, отсутствует надлежащая обстановка, учебные пособия. У мальчиков школы более оборудованные. Нет детских садов для девочек, которые есть у мальчиков. Девочки в школах сидят на сыром полу. Учителя-мужчины получают довольствие вовремя, учителя-женщины его не получают вовсе»²⁰. Т.Т. Шадиевой было отмечено, что мусульманки, которые получили педагогическое образование, отказываются работать в кишлачных и аульных школах²¹. Таким образом, условия обучения мальчиков и девочек в 1920-е годы поменялись местами. Если в дореволюционном Туркестане на помещение, в которых мальчики проходили обучение, не обращали внимание, а девочки находились в комфортабельных условиях дома биби-хальфе, то в советское время все стало наоборот.

Иная ситуация складывалась с просвещением городских европейек. Женотделы не вели среди них специальной работы, поскольку европейки самостоятельно проявляли желание получать знания. Многие сотрудницы женотделов в 1916–1919 гг. были активистками, которые создавали женские союзы и орга-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 60–80.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 16–39.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 60–80.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 445. Л. 61–63.

²¹ Там же. Л. 61–63.

низации. Затем они примкнули к большевикам, а на месте женских союзов появились женотделы [46, с. 75–83]. В 1920 гг. социальной активностью выделялись еврейки и татарки, которые были увлечены делами комсомола, наравне с мужчинами работали в школах, студенческих комитетах, организовывали музыкальные, художественные, спортивные и театральные кружки, работали в амбулаториях и больницах, помогали женотделам [54, с. 81–83; 55, с. 80–81]. В начале 1920-х гг. чуть больше внимания женотделы уделяли обучению европейек в Среднеазиатском государственном университете (САГУ). Но с 1925 года эту практику признали нецелесообразной²². Однако нужно отметить, что успехи среди европейек наблюдались только в городах, в сельской местности, например, русские крестьянки ничуть не отличались от своих мусульманских сестер. В 1925 году было проведено «обследование» положения русских крестьян Узбекской ССР, которое выявило, что русские женщины не занимаются политическим активизмом, трудятся дома и не получают никакого образования, поскольку нет ни школ, ни учителей²³.

Вопреки стараниям женотделов, в 1920-е гг. неграмотность среди мусульманок побороть не удалось, что произошло в первую очередь из-за безразличия чиновников НКП и коммунистов-мусульман [56, с. 48–51]. Чиновники НКП отказывались инспектировать женские школы, ссылаясь на то, что «им туда нельзя входить»²⁴. Парадоксально, но во время Худжума («Наступления») – кампании в поддержку советской законности и привлечения мусульманок к просвещению, труду, делегатскому движению и защите гражданских прав [57, с. 2] – в городах Узбекской ССР выросло количество старометодных женских мактабов. Из отчета сотрудницы ташкентского ЦО Е.А. Росс за 1928 год известно, что в республике насчитывалось «1 305 мактабов с 19 699 учащимися, из которых большинство девочки. В “старом” Ташкенте работало 50 старометодных школ, из которых только 6 мужские»²⁵. Рост числа женских старометодных мактабов в Узбекской ССР отмечен после всплеска насилия над мусульманками, которые сбросили паранджу или встали на путь советизации. Таким образом, политика активного вмешательства советской власти в образовательные традиции коренного населения потерпела поражение в 1920-е гг., приведя к противоположным результатам.

Заключение

Резюмируя, отметим, что в системах просвещения, колониальной администрации Туркестанского генерал-губернаторства и советским правительством ТАС-

²² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 428. Л. 11–14.

²³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 220. Л. 1–11.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1700. Л. 16–39.

²⁵ Там же. Л. 16–39.

СР и Узбекской ССР, имелось нечто общее. Имперская и советская власти пытались просвещать женщин, как мусульманок, так и европейек, несмотря на разрыв в концепциях управления. Колониальная и советская администрация добились успехов в просвещении городских европейек. Имперская и советская власти вопреки тому, что первая использовала политику невмешательства, а вторая, наоборот, активно вторгалась в жизнь коренного населения, парадоксальным образом добились аналогичного результата – сохранения, воспроизводства, а затем и мультипликации старометодной системы просвещения. При активном вмешательстве большевиков состояние женских советских школ было хуже, а мальчики, наоборот, получили обустроенные учебные заведения. В ТАССР и Узбекской ССР сохранялась и проблема с учетом женских старометодных школ, характерная для Туркестанского генерал-губернаторства. В 1920-е гг. это связано с сопротивлением мусульман-коммунистов и простых жителей политике насаждения гендерного равенства. Мусульманское население, что при колониальной, что при советской администрации, было неизменно в своем восприятии женского просвещения как чего-то нецелесообразного. Просвещение женщин было прерогативой состоятельных жителей либо тех, кто был хорошо интегрирован в колониальную или советскую реальность. Поддержка просвещения женщин для таких мусульман являлась демонстрацией лояльности властям. Период с 1865 по 1930 год – это время, которое можно характеризовать как тернистый путь к гендерному равенству в Средней Азии. Чтобы переломить ситуацию, потребуется еще несколько десятилетий.

Литература

1. Шашков С.С. *История русской женщины*. СПб.: Типография А.С. Суворина; 1879. 352 с.
2. Розанов В.В. Женское образовательное движение 60-х годов. *Религия и культура: сб. статей*. СПб.: Типография М. Меркушева; 1899. С. 97–108.
3. Вахромеева О.Б. Основные факторы «женского вопроса» в России на рубеже XIX–XX вв. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2006;3:69–84.
4. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. *Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции*. Шаттона Ю.П. (пер. с нем.). М.: РГГУ; 2005. 444 с.
5. Луначарский А.В. Что такое образование? *О воспитании и образовании*. Арсеньев А.М., Гончарова Н.К. и др. (ред.). М.: Педагогика; 1976. С. 353–365.
6. Бендриков К.Е. *Очерк по истории народного образования в Туркестане (1865–1924)*. М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР; 1960. 510 с.

7. Татыбекова Ж.С. *Великий октябрь и женщины Киргизстана*. Фрунзе: Кыргызстан; 1975. 172 с.
8. Аминова Р.Х. *Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане*. Ташкент: ФАН; 1975. 355 с.
9. Пальванова Б.П. *Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщин советского Востока*. М.: Наука; 1982. 286 с.
10. Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. Los Angeles: University of California Press; 1998. 335 p.
11. Махкамова Н.Р. Развитие и деятельность национальной интеллигенции в Узбекистане XIX – начала XX века. *Общественные науки в Узбекистане*. 2002;3–4:62–70.
12. Балдауф И. Джадидизм в Центральной Азии: к проблеме реформизма и модернизма в мусульманском мире. *Мир ислама*. 2005;1(3):11–21.
13. Андреев А.А. Джадиды Средней Азии: от обновления к национальным движениям. *Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли*. Урушадзе А.Т. (общ. ред.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН; 2020. С. 434–448.
14. Бабаджанов Б.М. «Рай у ног матерей и женщин». Советские и постсоветские дискурсы о формах эмансипации мусульманских женщин. *Общество, гендер и семья в Центральной Азии*. 2019;1:23–59.
15. Халид А. *Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период*. пер. с англ. К. Тверьянович, А. Рудаковой. СПб.: Academic Studies Press; 2022. 623 с.
16. Kamp M. *The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Washington: University of Washington Press; 2006. 320 p.
17. *История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и Центральной Азии (XIX – начало XX века)*. Алимova Д.А., Багирова И. (ред.). Самарканд: МИЦАИ; 2012. 335 с.
18. Халид А. *Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии*. Боганова А.Б. (пер. с англ.). М.: Новое литературное обозрение; 2010. 304 с.
19. Халид А. *Центральная Азия: от века империй до наших дней*. Попов А. (пер. с англ.). М.: Альпина нон-фикшн; 2024. 560 с.
20. Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. *Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана*. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерова; 1910. С. 140–160.

21. Пашино П.И. *Туркестанский край в 1866 году*. Путевые заметки. СПб.: Типография Тиблена и Ко; 1868. 176 с.
22. Крестовский В.В. *В гостях у бухарского эмира*. СПб.: Издание А.С. Суворина; 1887. 431 с.
23. Lansdell H. *Russian Central Asia Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Boston: Houghton, Mifflin and Company; 1885. 732 p.
24. Добросмыслов А.И. *Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк*. Ташкент: Типо-литография О.А. Порцева; 1912. 520 с.
25. Никольский М.Н. *Благородная Бухара. Странички из скитаний по Востоку*. СПб.: Издание П.П. Сойкина; 1903. 47 с.
26. Meakin A. *In Russian Turkestan. A Garden of Aisa and its People*. London: Ballantyne, Hanson & Co; 1903. 316 p.
27. Смирнов Е. *Сырдарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам*. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича; 1887. 351 с.
28. Букин И-М. *Физическое и умственное воспитание у киргиз*. Ташкент: Типография О.В. Базилевского; 1883. 19 с.
29. *К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман – устроитель Туркестанского края. Из личных воспоминаний Н. П. Остроумова (1877–1881 гг.)*. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские; 1899. 286 с.
30. *Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области: Т. 5. Гейер И.И. (ред.)*. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские; 1896. 278 с.
31. Curtis W.E. *Turkestan: The Heart of Asia*. New York: Hodder & Stoughton; 1911. 344 p.
32. Остроумов Н.П. *Сарты. Этнографические материалы*. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские; 1896. 272 с.
33. Аничков И. *Очерк народной жизни Северного Туркестана*. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские; 1899. 169 с.
34. Наливкин В.П. *Туземцы раньше и теперь*. Ташкент: Типо-литография Турк. т-ва Печатного дела; 1913. 144 с.
35. Лыкошин Н.С. *Полжизни в Туркестане. Очерк быта туземного населения*. Петроград: Типография Б. Д. Брукера; 1916. 415 с.
36. Бобровников Н.А. *Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии*. Путевые заметки. СПб.: Сенатская типография; 1913. 90 с.
37. Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных»). *Мусульма-*

не в новой имперской истории: сб. статей. Бобровников В.О., Герасимов И. и др. (отв. ред. и сост.). М.: Садра; 2017. С. 104–155.

38. Остроумов Н.П. Мадрасы в Туркестанском крае. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1907; Ч.7:1–58.

39. Наливкин В.П. Что дает среднеазиатская мусульманская школа в образовательном и воспитательном отношениях? *Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных*. СПб.: Типография А. Бенке; 1900. С. 215–278.

40. Котюкова Т.В. *Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы*. М.: Научно-политическая книга; 2016. 391 с.

41. Логофет Д.И. *Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние*. СПб.: В. Березовский; 1909. 239 с.

42. Беккер С. *Россия в Центральной Азии. Бухарский эмират и Хивинское ханство при власти императоров и большевиков, 1865–1924*. Гонсалес-Менендес Е.А. (пер. с англ.). М.: Центрполиграф; 2024. 351 с.

43. Логофет Д.И. *Бухарское ханство под русским протекторатом*. Т. 2. СПб.: В. Березовский; 1911. 357 с.

44. Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1906; Ч.1:113–166.

45. Юкина И. *От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения в России*. М.: Новое литературное обозрение; 2024. 680 с.

46. Мелентьев Д.В. Раскрепощение «европеек» Средней Азии в 1920-е гг. *Восточный архив*. 2024;1:75–83.

47. Мустафаева Ж. Традиционализм и модернизм в народном образовании в первые годы советской власти: противостояние и адаптация. *Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции (Ташкент, 12–13 сентября 2008 г.)*. Ташкент: б.и.; 2009. С. 112–116.

48. Christie E.R. *Through Khiva to Golden Samarkand. The Remarkable Story of a Woman's Adventurous Journey Anlone Through the Deserts of Central Asia to the Herat of Turkestan*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company; 1925. 280 p.

49. Любимова С.Т. Восток. *Коммунистка*. 1923;11:28–30.

50. Мелентьев Д.В. Роль Главного Вакуфного Управления в советизации мусульманского образования и становлении советской сети школ в Туркестане. *Islamology*. 2018;1:57–77.

51. Рачинская. Женское образование в Туркестане. *За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии*. Женотдел

Средазбюро ЦК РКП (ред.). М.: Центральное издательство народов СССР; 1925. С. 66–74.

52. Шура-мактабе. *Правда Востока*. 25 июля 1927 г. № 166. С. 2.

53. Рачинская. Чем должны быть инпросы? *Правда Востока*. 4 января 1927 г. № 3. С. 5.

54. Алпарова. Среди девчат татинпроса. *За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии*. Женотдел Средазбюро ЦК РКП (ред.). М.: Центральное издательство народов СССР; 1925. С. 81–83.

55. Рачинская. Туземно-европейский инпрос. *За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии*. Женотдел Средазбюро ЦК РКП (ред.). М.: Центральное издательство народов СССР; 1925. С. 80–81.

56. Мадрахимова Р.М. Из истории ликвидации неграмотности среди женщин Узбекистана. *Общественные науки в Узбекистане*. 1965;11:48–51.

57. Зеленский И.А. За раскрепощение! Мы должны дать лозунг в нашей работе: идти в наступление! *Правда Востока*. 22 октября 1926 г. № 244. С. 2.

References

1. Shashkov S.S. *Istoriya russkoj zhenshiny* [The History of Russian Woman]. Saint-Petersburg: A.S. Suvorina Press; 1879. 352 p. (In Russian)

2. Rozanov V.V. Zhenskoe obrazovatelnoe dvizhenie 60-h godov [Women's Education Movement of the 1860s]. *Religiya i kultura: sb. Statej* [Religion and Culture: coll. of articles]. Saint -Petersburg: M. Merkusheva Press; 1899, pp. 97–108. (In Russian)

3. Vahromeeva O.B. Osnovnye faktory “zhenskogo voprosa” v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The Main Factors of the “Women’s Question” in Russia at the turn of the 19th–20th Centuries] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Saint Petersburg University. History]. 2006;3:69–84. (In Russian)

4. Pietrov-Ennker B. “Novye lyudi” Rossii. Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabrskoj revolyucii [The “New People” of Russia. Development of the Women’s Movement from its Origins to the October Revolution]. Shattona Yu.P. (tr. from Germ.). Moscow: Russian State University for Humanities Publ; 2005. 444 p. (In Russian)

5. Lunacharskij A.V. Chto takoe obrazovanie? [What is Education?] *O vospitanii i obrazovanii* [About Upbringing and Education]. Arseneva A.M., Goncharova N.K. (eds). Moscow: Pedagogika Press; 1976, pp. 353–365. (In Russian)

6. Bendrikov K.E. *Ocherk po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865–1924)* [An Essay on the History of Public Education in Russian Turkestan (1865–1924)].

Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of RSFSR; 1960. 510 p. (In Russian)

7. Tatybekova Zh.S. *Velikij oktyabr i zhenshiny Kirgizstana* [Great October and the Women of Kyrgyzstan]. Frunze: Kyrgyzstan; 1975. 172 p. (In Russian)

8. Aminova R.H. *Oktyabr i reshenie zhenskogo voprosa v Uzbekistane* [October and the solution of the women's issue in Uzbekistan]. Tashkent: FAN Press; 1975. 355 p. (In Russian)

9. Palvanova B.P. *Emansipaciya musulmanki. Opyt raskreposheniya zhenshin sovetского Vostoka* [Emancipation of Muslim Women. The Experience of Emancipating Women in the Soviet East]. Moscow: Nauka Press; 1982. 286 p. (In Russian)

10. Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. Los Angeles: University of California Press; 1998. 335 p.

11. Mahkamova N.R. *Razvitie i deyatelnost nacionalnoj intelligencii v Uzbekistane XIX – nachala XX veka* [Development and Activities of the National Intelligentsia in Uzbekistan in the 19th and the early 20th Centuries]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. 2002;3–4:62–70. (In Russian)

12. Baldauf I. *Dzhadidizm v Centralnoj Azii: k probleme reformizma i modernizma v musulmanskom mire* [Jadidism in Central Asia: Towards the Problem of Reformism and Modernism in the Muslim World]. *Mir islama* [The World of Islam]. 2005;1(3):11–21. (In Russian)

13. Andreev A.A. *Dzhadidy Srednej Azii: ot obnoveniya k nacionalnym dvizheniyam* [Jadids of Central Asia: from Renewal to National Movements]. *Nacionalnye okrainy v politike Rossijskoj imperii i russkoj obshchestvennoj mysli* [National Outskirts in the Politics of the Russian Empire and Russian Social Thought]. Urushadze A.T. (ed.). Rostov-na-Donu: the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2020, pp. 434–448. (In Russian)

14. Babadzhanov B.M. “Raj u nog materej i zhenshin”. *Sovetskie i postsovetskie diskursy o formah emansipacii musulmanskih zhenshin* [“Paradise at the Feet of Mothers and Women”: Soviet and Post-Soviet Discourses on Forms of Muslim Women Emancipation]. *Obshchestvo, gender i semya v Centralnoj Azii* [Society, Gender and Family in Central Asia]. 2019;1:23–59. (In Russian)

15. Halid A. *Sozdanie Uzbekistana. Naciya, imperiya i revolyuciya v rannesovetskij period* [Making Uzbekistan. Nation, Empire and Revolution in the Early USSR]. Tveryanovich K., Rudakova A. (tr. from Eng.). Saint-Petersburg: Academic Studies Press; 2022. 623 p. (In Russian)

16. Kamp M. *The New Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Washington: University of Washington Press; 2006. 320 p.

17. *Istoriya obshchestvenno-kulturnogo reformatorstva na Kavkaze i Centralnoj Azii (XIX – nachalo XX veka)* [History of Socio-Cultural Reformism in the Caucasus and Central Asia (19th and the early 20th century)]. Alimova D.A., Bagirova I. (eds). Samarkand: International Institute of Central Asian Studies Publ.; 2012. 335 p. (In Russian)
18. Halid A. *Islam posle kommunizma: religiya i politika v Centralnoj Azii* [Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia]. Boganovoj A.B. (trans. from Eng.). Moscow: New Literary Review Publ.; 2010. 304 p. (In Russian)
19. Halid A. *Centralnaya Aziya: ot veka imperij do nashih dnei* [Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present]. Popov A. (trans. from Eng.). Moscow: Alpina non-fiction Publ.; 2024. 560 p. (In Russian)
20. Ostroumov N.P. *Kolebaniya vo vzglyadah na obrazovanie tuzemcev v Turkestanskom krae* [Fluctuations in Views on the Education of Natives in the Turkestan]. *Kaufmanskij sbornik, izdannyy v pamyat 25 let, istekshih so dnya smerti pokoritelya i ustroitel'ya Turkestanskogo kraya general-adyutanta K.P. fon Kaufmana* [The Kaufman Collection, Published in Memory of the 25 Years that have Passed Since the Death of the Conqueror and Organizer of the Turkestan Region, Adjutant General K.P. von Kaufman]. Moscow: I. N. Kushnereva Press; 1910, pp. 140–160. (in Russian)
21. Pashino P.I. *Turkestanskij kraj v 1866 godu. Putevye zametki* [Russian Turkestan in 1866. Travel Notes]. Saint-Petersburg: Tiblen i Ko Press; 1868. 176 p. (In Russian)
22. Krestovskij V.V. *V gostyah u buharskogo emira* [Visiting the Emir of Bukhara]. Saint Petersburg: A.S. Suvorina Press; 1887. 431 p. (In Russian)
23. Lansdell H. *Russian Central Asia Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Boston: Houghton, Mifflin, and Company; 1885. 732 p.
24. Dobrosmyslov A.I. *Tashkent v proshlom i nastoyashem. Istoricheskij ocherk* [Tashkent in the Past and Present. Historical Essay]. Tashkent: O.A. Porceva Press; 1912. 520 p. (In Russian)
25. Nikolskij M.N. *Blagorodnaya Buhara. Stranichki iz skitanij po Vostoku* [Noble Bukhara. Pages from Wanderings in the East]. Saint-Petersburg: P.P. Sojkina Press; 1903. 47 p. (In Russian)
26. Meakin A. *In Russian Turkestan. A Garden of Aisa and its People*. London: Ballantyne, Hanson & Co; 1903. 316 p.
27. Smirnov E. *Syrdarinskaya oblast. Opisanie, sostavlennoe po oficialnym istochnikam* [Syrdarya Region. The Description Compiled from the Official Sources]. Saint-Petersburg: M.M. Stasyulevicha Press; 1887. 351 p. (In Russian)
28. Bukin I-M. *Fizicheskoe i umstvennoe vospitanie u Kirgiz* [Physical and Mental Education of the Kyrgyz]. Tashkent: O.V. Bazilevskogo Press; 1883. 19 p. (In Russian)

29. *K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. Konstantin Petrovich fon Kaufman – ustroitel Turkestanskogo kraja. Iz lichnyh vospominanij N.P. Ostroumova (1877–1881 gg.)* [On the History of Public Education in Turkestan. Konstantin Petrovich von Kaufman is the Organizer of Turkestan. From the Personal Memoirs of N.P. Ostroumov (1877–1881)]. Tashkent: Typolitography of the F. & G. Kamenski Brothers Trading House; 1899. 286 p. (In Russian)

30. *Sbornik materialov dlya statistiki Syrdarinskoj oblasti* [The Collection of Materials for Statistics of the Syrdarya Region]. Gejer I.I. (ed.). T. 5. Tashkent: Typolitography of the F. & G. Kamenski Brothers Trading House; 1896. 278 p. (In Russian)

31. Curtis W.E. *Turkestan: The Heart of Asia*. New York: Hodder & Stoughton; 1911. 344 p.

32. Ostroumov N.P. Sarty. *Etnograficheskie materialy* [Sarts. Ethnographical Materials]. Tashkent: Typolitography of the F. & G. Kamenski Brothers Trading House; 1896. 272 p. (In Russian)

33. Anichkov I. *Ocherk narodnoj zhizni Severnogo Turkestana* [Essay on the People's Life of Northern Turkestan]. Tashkent: Typolitography of the F. & G. Kamenski Brothers Trading House; 1899. 169 p. (In Russian)

34. Nalivkin V.P. *Tuzemcy ranshe i teper* [Natives in Past and Present]. Tashkent: Turkestan Printing Partnership Press; 1913. 144 p. (In Russian)

35. Lykoshin N.S. *Polzhizni v Turkestane. Ocherk byta tuzemnogo naseleniya* [The Half of Life in Turkestan. Essay on the Life of the Natives]. Petrograd: B.D. Bruker Press; 1916. 415 p. (In Russian)

36. Bobrovnikov N.A. *Russko-tuzemnye uchilisha, mekteby i medresy Srednej Azii. Putevye zametki* [Russian-Native Schools, Mektebs and Madrassas of Central Asia. Travel Notes]. Saint-Petersburg: The Senate Printing House; 1913. 90 p. (In Russian)

37. Babadzhanov B. *Andizhanskoe vosstanie 1898 goda i “musulmanskij vopros” v Turkestane (vzglyady “kolonizatorov” i “kolonizirovannyh”)* [The Andijan Uprising of 1898 and the “Muslim Question” in Russian Turkestan (Views of the “Colonizers” and “Colonized”)]. *Musulmane v novoj imperskoj istorii* [Muslims in the New Imperial History]. Bobrovnikov V.O., Gerasimov I. (eds). Moscow: Sadra Press; 2017, pp. 104–155. (In Russian)

38. Ostroumov N.P. *Madrasy v Turkestanskom krae* [Madrasas in the Turkestan]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya* [Journal of the Public Education Ministry]. 1907;7:1–58. (In Russian)

39. Nalivkin V.P. *Chto daet sredneaziatskaya musulmanskaya shkola v obrazovatelnom i vospitatelnom otnosheniyah?* [What does the Central Asian Muslim School Provide in Terms of Education and Upbringing?] *Turkestanskij literaturnyj sbornik*

v polzu prokazhennyh [Turkestan Literary Collection for the Benefit of Lepers]. Saint-Petersburg: A. Benke Press; 1900, pp. 215–278. (In Russian)

40. Kotyukova T.V. *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [The Outskirts in a Special Status... Russian Turkestan on the Eve of Drama]. Moscow: Popular Science Book Press; 2016. 391 p. (In Russian)

41. Logofet D.I. *Strana bespraviya. Buharskoe hanstvo i ego sovremennoe sostoyanie* [The Country of Lawlessness. The Bukhara Khanate and its Current State]. Saint-Petersburg: V. Berezovskij Press; 1909. 239 p. (In Russian)

42. Bekker S. *Rossiya v Centralnoj Azii. Buharskij emirat i Hivinskoe hanstvo pri vlasti imperatorov i bolshevikov, 1865–1924* [Russia's Protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva, 1865–1924]. Gonsales-Menendes E.A. (tr. from Eng.). Moscow: Centrpoligraf Press; 2024. 351 p. (In Russian)

43. Logofet D.I. *Buharskoe hanstvo pod russkim protektoratom* [Bukhara Khanate under Russian Protectorate]. T. 2. Saint-Petersburg: V. Berezovskij Press; 1911. 357 p. (In Russian)

44. Ostroumov N.P. *Musulmanskie maktaby i russko-tuzemnye shkoly v Turkestanskom krae* [Muslim Maktabs and Russian-Native Schools in Russian Turkestan]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya* [Journal of the Public Education Ministry]. 1906;1:113–166. (In Russian)

45. Yukina I. *Ot dam-patroness do zhenotdelovok: istoriya zhenskogo dvizheniya v Rossii* [From Lady Patronesses to Women's Departments: the History of the Women's Movement in Russia]. Moscow: New Literary Review Press; 2024. 680 p. (In Russian)

46. Melentev D.V. *Raskreposhenie "evropeek" Srednej Azii v 1920-e gg* [Emancipation of the Central Asian "European Women" in the 1920s]. *Vostochnyj arhiv* [Oriental Archive]. 2024;1:75–83. (In Russian)

47. Mustafaeva Zh. *Tradicionalizm i modernizm v narodnom obrazovanii v pervye gody sovetskoj vlasti: protivostoyanie i adaptaciya* [Traditionalism and Modernism in Public Education in the First Years of the Soviet Power: Confrontation and Adaptation]. *Socialnaya zhizn narodov Centralnoj Azii v pervoj chetverti XX veka: tradicii i innovacii. Materialy mezhdunarodnoj konferencii (Tashkent, 12–13 sentyabrya 2008 g.)* [The Social Life of the Peoples of Central Asia in the First Quarter of the 20th Century: Traditions and Innovations. Proceedings of the International Conference (Tashkent, September 12-13, 2008)]. Tashkent: s. n.; 2009, pp. 112–116. (In Russian)

48. Christie E.R. *Through Khiva to Golden Samarkand. The Remarkable Story of a Woman's Adventurous Journey Anlone Through the Deserts of Central Asia to the Herat of Turkestan*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company; 1925. 280 p.

49. Lyubimova S.T. Vostok [Orient]. *Kommunistka* [Communist]. 1923;11:28–30. (In Russian)

50. Melentev D.V. Rol Glavnogo Vakufnogo Upravleniya v sovetizacii musulmanskogo obrazovaniya i stanovlenii sovetской seti shkol v Turkestane [The Role of Waqf Supreme Office in the Sovietization of Muslim Education and the Establishment of the Soviet School Network in Turkestan]. *Islamology*. 2018;1:57–77. (In Russian)

51. Rachinskaya. Zhenskoe obrazovanie v Turkestane [Women's Education in Turkestan]. *Za pyat let. Sbornik po voprosam raboty kommunisticheskoy partii sredi zhenshin Srednej Azii* [For Five Years. Collection on the Papers of the Communist Party Among the Women of Central Asia]. Women's Department of the Central Asian Bureau of The Central Committee of the Russian Communist Party (ed.). Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR; 1925, pp. 66–74. (In Russian)

52. Shura-maktabe [Shura-maktabe]. *Pravda Vostoka* [The Truth of the Orient]. 25 July. 1927. No. 166. P. 2. (In Russian)

53. Rachinskaya. Chem dolzhny byt inprosy? [What Should Inprosy be?] *Pravda Vostoka* [The Truth of the Orient]. 4 January 1927. No. 3. P. 5. (In Russian)

54. Alparova. Sredi devchat tatinprosa [Between Girls of the Tatinpros]. *Za pyat let. Sbornik po voprosam raboty kommunisticheskoy partii sredi zhenshin Srednej Azii* [For Five Years. Collection on the Papers of the Communist Party Among the Women of Central Asia]. Women's Department of the Central Asian Bureau of The Central Committee of the Russian Communist Party (ed.). Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR; 1925, pp. 81–83. (In Russian)

55. Rachinskaya. Tuzemno-evropejskij inpros [Native-European Inpros]. *Za pyat let. Sbornik po voprosam raboty kommunisticheskoy partii sredi zhenshin Srednej Azii* [For Five Years. Collection on the Papers of the Communist Party Among the Women of Central Asia]. Women's Department of the Central Asian Bureau of The Central Committee of the Russian Communist Party (ed.). Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR; 1925, pp. 80–81. (In Russian)

56. Madrahimova R.M. Iz istorii likvidacii negramotnosti sredi zhenshin Uzbekistana [From the History of the Illiteracy Elimination among Uzbekistan Women]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. 1965;11:48–51. (In Russian)

57. Zelenskij I.A. Za raskreposhenie! My dolzhny dat lozung v nashey rabote: idti v nastuplenie! [For emancipation! We Must Give a Slogan in Our Work: Go on the Offensive!]. *Pravda Vostoka* [The Truth of the Orient]. 22 October 1926. No. 244. P. 2. (In Russian)

Д.В. Мелентьев
Просвещение женщин в колониальной и советской Средней Азии
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(1): 13-37

Информация об авторе

Мелентьев Даниил Вячеславович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Ташкент, Узбекистан.

About the author

Daniil V. Melentev, Cand. Sci (History), Independent researcher, Tashkent, Uzbekistan.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 октября 2024
Одобрена рецензентами: 10 января 2025
Принята к публикации: 10 февраля 2025

Article info

Received: October 18, 2024
Reviewed: January 10, 2025
Accepted: February 10, 2025